

Л. Е. МАРГАРЯН

МЕСТО РИМСКОЙ ИСТОРИИ В ГЕНДЕРНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ БРИТАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается место римской истории в гендерных воззрениях британских просветителей XVIII в. Проводится гендерный анализ главного труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи», а также работы «Мемуары Агриппины» Елизаветы Гамильтон, которая была написана в пику Гиббону.

Ключевые слова: Э. Гиббон, Е. Гамильтон, эпоха Просвещения, цивилизация и варварство, римская матрона, римское право, германские племена, христиане.

Отличительной чертой второй половины XVIII в. было заимствование некоторых римских республиканских базовых идей и политических символов. Стремление англичан сохранить и приумножить свои достижения в области гражданских свобод, а также войны 1756–1763 и 1775–1783 гг., делали актуальным опыт Римской республики, воспринимаемой как образец государства, свято соблюдавшего права и свободы граждан, расширявшего свою территорию совместными усилиями граждан-воинов. История Рима стала для британцев, с одной стороны идеалом, примером для подражания, с другой же – предостережением для современников. Британские моралисты постоянно напоминали о том, что в период расцвета республики граждане Рима добровольно отказывались от комфорта и роскоши, жены их были безукоризненны и воплощали безоговорочное подчинение общепринятым нормам морали, а общественное благо было превыше личных желаний.

В то же время бытовало мнение, что в конце концов Рим стал жертвой собственного могущества. Легкая нажива и изобилие сделали римлян надменными и спесивыми, а безудержное расширение границ стало причиной потери прежней сплоченности и монолитности общества, возможного только в небольшом по размерам государстве. Попав под влияние восточных эллинистических монархий, Рим позабыл о старых республиканских традициях, о пренебрежении к богатству и роскоши, были отринуты завещанные отцами-основателями города исконные римские *virtus*: стойкость, скромность, суровая сдержанность и добронравие, на смену классической риторике пришло «азианическое краснобайство»¹,

¹ См.: Маргарян. 2013. С. 15-39.

общественное благо отошло на задний план, уступив место стремлению к личной выгоде. Установление принципата, по мнению историков-просветителей, стало началом конца старого образа жизни и провозвестником затяжного периода тирании, деградации и упадка нравов.

Подобное видение римской истории особенно ярко проявилось в таких исторических трудах, как «Размышления о причинах величия и падения римлян» (*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*, 1734) Монтескьё, «Мемуары суда Августа» (*Memoirs of Court of Augustus*, 1753–1763) Томаса Блэкуэлла (Thomas Blackwell), академический труд Томаса Бивера (Thomas Beaver) «История юридического общественного строя Римского государства» (*History Of legal Polity of the Roman State*, 1781), а также «История прогресса и падения Римской республики» (*The History of the Progress and Termination of the Roman Republic*, 1783) Адама Фергюсона (Adam Ferguson). Большое влияние на умы современников имели изложенная легким слогом, но концептуальная «История Рима» Шарля Роллена (Charles Rollin) и другой великолепный образчик занимательной «Истории Рима» Оливера Голдсмита (*Goldsmith's History of Rome*, 1769).

Среди символов римской истории в XVII–XVIII вв. особое место занимает образ римской матроны. Британский исследователь Филипп Хикс (Philip Hicks) отмечает большую популярность этого образа в изобразительном искусстве эпохи Просвещения², примером чему могут послужить картины Бенджамина Уэста (Benjamin West) и Гевина Гамильтона (Gavin Hamilton), Веджвудские медальоны и, конечно же, знаменитое изображение Сары Сиддонс (Sarah Siddons) в роли Виктории из шекспировской пьесы «Кориолан».

В исторических трудах просветителей второй половины XVIII века женщина обычно рассматривалась как жена и мать, иначе и быть не могло, но, наряду с этим, большинство просветителей были убеждены, что знатные римлянки, помимо традиционных женских добродетелей, обладали и гражданской доблестью. Ф. Хикс отмечает интересную закономерность: в работах историков-просветителей и памфлетистов чаще можно встретить типаж республиканки, готовой на героические поступки и самопожертвование, нежели образ скромной рачительной матроны, хранительницы домашнего очага и традиционных семейных устоев. Исследователь приводит имена римских героинь, наиболее часто упоминаемых в британской исторической литературе рассматриваемого периода. Среди них Лукреция, совершившая самоубийство, дабы

² Hicks. 2005. P. 38-39.

в суровую годину воодушевить свой народ (Гэвин Гамильтон «Смерть Лукреции»), Ария, показавшая мужу пример того, как достойно уйти из жизни, сохранив лицо и верность республиканским ценностям. Ей, и двум другим матронам, Порции и Октавии, посвятил свои «Диалоги мертвого» (Dialogues of the Dead, 1760) Джордж Литтелтон (George Lyttelton). Еще одним примером римской доблести считалась Гортензия, чье имя Кэтрин Маколей использовала в качестве вымышленного адресата в «Письмах об образовании» (Letters on Education, 1792). Нарушив римские традиции, она произнесла речь с Форума против предложения триумвиров установить новый налог на женщин. Весьма популярной в Британии была и Порция (ее имя в качестве псевдонима использовала известная республиканка Мэри Робинсон), которая узнав об участии своего мужа Брута в заговоре против Цезаря, в знак солидарности с ним, покончила жизнь самоубийством. Октавия, сестра Августа, бывшая для римлян воплощением традиционных женских добродетелей, беспрекословно подчинилась постановлению сената и вышла замуж за Марка Антония (будучи беременной от недавно скончавшегося мужа и зная о любовной связи Антония и Клеопатры), тем самым способствовав примирению мужа и брата. Ее образ нашел воплощение в работе Сары Филдинг. А образ Агриппины-старшей, внучки Августа, выступавшей против тирании Тиберия, вдохновил сразу трех авторов – Гевина Гамильтона, Бенджамина Веста и Елизавету Гамильтон, посвятившую Агриппине свои «Мемуары», о чем подробнее будет сказано ниже. Таким образом, все эти историки и публицисты второй половины XVIII века отмечали, что патриотизм был отличительной чертой не только мужчин, но и большинства римских женщин, которые, несмотря на ограничения в правах и свободе, внесли огромный вклад в величие Рима. По этому поводу Роллен восторженно восклицает: *«История Рима демонстрировала и еще не раз продемонстрирует многочисленные примеры самоотверженности дам на благо своей страны»*³.

Самым важным, с точки зрения британских просветителей XVIII века, условием процветания страны был моральный климат республиканского Рима, главными охранителями которого считались знатные римлянки. В любом возрасте они должны были являть собой пример для подражания представителям всех сословий, воспитывать подлинных республиканцев и граждан. Блэкуэлл не без зависти писал, что римские женщины были *«последовательными и воздержанными: они не пили вина, были ограничены в визитах, не ходили на спектакли без*

³ Rollin. 1750. P. 279.

позволения мужей», а римская молодежь была «соткана из благопристойности и умеренности»⁴. Обращение к таким примерам было осознанным и концептуальным – римлянами восхищались и им подражали.

Однако, по мнению тех же историков, женщины, бывшие стержнем римского общества на заре и взлете республики, позднее стали причиной ее деградации и падения. Вторя Катону, Овидию и другим римским авторам, многие британские историки XVIII в. главной причиной этой деградации считали женскую распущенность и стремление к роскоши. Того же мнения придерживались историки эпохи Ренессанса: яркий пример – Макиавелли, который посвятил разработке этой темы одну из глав своих «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», озаглавив ее «Как из-за женщин рушились государства». Британские просветители также считали причиной упадка республики и установления тирании в Риме отсутствие мужества и дисциплины у мужчин и потворство капризам женщин⁵. Рим, писал О. Голдсмит в своей «Римской истории», был государством, «которое возвысилось сдержанностью, пало роскошью»⁶.

Тем не менее, не все британские историки-просветители разделяли подобный взгляд на причины падения Рима. Сказанное, прежде всего, относится к А. Фергюсону и Э. Гиббону. Оба считали, что причины падения Римской империи кроются гораздо глубже, и искать их следует не в испорченной натуре женского пола, женской тяге к роскоши и излишествах, а в экономических, социальных и политических изменениях, которые произошли в римском социуме⁷. Фергюсон считал, что наступившие после правления Тиберия дурные времена, падение нравов, сексуальная распущенность, вседозволенность аристократии, коррупция, интриги, заговоры и проч. были не причиной, а следствием длительной экономической и политической стагнации Рима⁸.

Сходных взглядов придерживался и Гиббон, уделивший в своем труде «История Заката и падения Римской империи» немало внимания роли женщин, степени их влияния на политическую и юридическую сферы жизни римского общества.

Большое внимание в своей «Истории» Гиббон уделяет юридическим ограничениям прав римских женщин. В 44-й главе V книги этого

⁴ Blackwell. 1755. P. 81.

⁵ Правда, многие авторы (особенно Д. Юм в трактате «О роскоши») подчеркивали разницу между разъедающей классической роскошью и роскошью, которая является порождением развитой экономики.

⁶ Goldsmith. 1769. P. 115.

⁷ O'Brien. 2010. P. 116.

⁸ Ferguson. 1783. P. 565.

труда представлена монументальная история римского права, начиная с примитивных законов царей и заканчивая Кодексом, Пандектами, Новеллами и институциями Юстиниана. Это собрание законов стало квинтэссенцией более чем тысячелетней истории Рима. Вдыхая аромат древнеримского права, Гиббон выказывает неподдельное восхищение ясностью, стройностью и законченными формами республиканской юридической системы. Вместе с тем он рассматривает ее в динамике, на фоне тех структурных изменений, которые происходили в римском обществе на протяжении тысячелетия. Менялась жизнь, менялись законы. Немало места в своей «Истории» Гиббон уделил либерализации юридического статуса женщин в Риме и Византии, показал поэтапную трансформацию статуса женщин – от полурабского, характерного для эпохи республики, к юридическому равноправию в Византийской империи, где, благодаря реформам Юстиниана, женщины обрели несравненно больше прав, нежели современные Гиббону англичанки⁹.

Особо интересовали Гиббона юридические аспекты супружеской жизни в Риме и Византии. По его мнению, выходя замуж, римлянки меняли беспрекословное дочернее подчинение на супружеское рабство: *«Чтобы она ни приобрела или наследовала, все обращалось в исключительную собственность ее господина и положение женщины, как вещи, а не как личности, было так ясно установлено, что в случае утраты подлинного документа, на нее можно было предъявить свои права, как на всякую движимость, на основании продолжавшегося целый год пользования и обладания ею»*¹⁰. Такое типичное для эпохи Просвещения отношение к вопросу о женских правах и свободах у Гиббона сформировалось главным образом под влиянием шотландских просветителей. Он пишет: *«Опыт доказал, что дикари обычно бывают тиранами по отношению к женскому полу и что положение женщин, как правило, облегчается с улучшением социальной жизни»* (С. 44).

Столь же дикой Гиббон считал тираническую власть отцов над сыновьями, которые в Риме, так же как дочери и жены, фактически находились в рабском положении. Отец имел право карать их по своему усмотрению, применяя самые суровые формы наказания за незначительные проступки, вплоть до убийства. Он имел право продавать своих детей в рабство, отдавать в качестве платы за недоимки и пр. При жизни отца сыновья юридически не могли иметь своей собственности, а формально хозяином дарованной кем-либо или нажитой их трудом соб-

⁹ O'Brien. 2010 P. 117.

¹⁰ Гиббон. Кн. V. 2008. С. 45.

ственности был глава семейства. Сын не мог вступить в полное владение собственностью вплоть до смерти отца. При жизни отец мог перераспределить имущество сына между остальными членами большой римской фамилии, законом также не предусматривалось наказание за растрату отцом имущества своего сына. По сути, все имущество сына де-юре принадлежало отцу, как имущество раба принадлежало его хозяину. Положение женщин было хуже вдвойне, так как, выходя замуж, девушка становилась женой «подневольного» своему отцу человека, по сути, превращалась в рабыню раба. Фактически сын приобретал независимость, право на собственность и становился полноправным мужчиной и гражданином лишь после смерти отца семейства. Со временем, начиная с правления Августа, правовое положение детей начало улучшаться; сыновья получили частичное право собственности, родители лишились права на продажу своих детей, а позднее и отчуждения их имущества.

Особенно нелепой Гиббон считал систему опеки, согласно которой взрослой женщине для проведения какой-либо юридической сделки было необходимо заручиться одобрением *pater familias* или мужа, а в случае их отсутствия, одного или нескольких родственников мужского пола – *агнатов*. Эта система делала женщину абсолютно неправомочной, так как на деле добиться подобного разрешения было невозможно. В период ранней Республики к женщине зрелого возраста относились как к несовершеннолетнему ребенку. По этому поводу Гиббон язвительно отмечает: *«легальная фикция, и не остроумная, и не изящная, придавала матери семейства (таково было ее настоящее название) характер сестры ее собственных детей, дочерей ее супруга или господина, который был облечен отцовскою властью во всей ее полноте»* (С. 45). Все это обрекало женщин на жалкое существование, невозможность развивать свои интеллектуальные и лучшие душевные потенции: *«Женщины приговорены к родительской опеке родителей, мужей или опекунов: пол, созданный для удовольствия и подчинения, никогда не достигнет возраста разума и жизненного опыта. Так, по крайней мере, было согласно строгому высокомерному духу античного закона, который постепенно был смягчен до правления Юстиниана»* (С. 47). Однако в эпоху Империи положение женщин, как и совершеннолетних сыновей, хоть и медленно, но стало улучшаться. Женщины получили право на наследование и владение собственностью. Юстиниан же отменил Закон Вакония 169 года, который лишал женщин права на наследство. Им был принят закон о равных правах на владение имуществом.

В той же 44-й главе историк уделяет внимание теме разводов в римской республике. Его забавляли наивные высказывания Блэкуэлла о

том, что в республиканскую эпоху римляне хоть и имели право на развод, но не пользовались им, поскольку были целомудренны и руководствовались высокими моральными принципами. Со свойственной ему иронией Гиббон отмечает: *«добродетель римлян был предметом самых горячих похвал, оттого, что они не пользовались этим соблазнительным правом, в течение пятисот лет; но этот же самый факт ясно доказывает, как были не равны условия связи, в которой раба не имела возможности отделиться от своего тирана, а тиран не имел желания выпустить на волю свою рабу»* (С. 47). По мнению Гиббона, тот факт, что римские мужчины в течение столетий предпочитали не пользоваться своим правом официального расторжения брака, свидетельствовал не столько об их высокой нравственности, сколько о том, что их неверность женам была ненаказуема. Когда же женщины получили право на развод и стали «равнозначными и добровольными спутниками своих хозяев», они сами стали подавать на развод. При условии приличного поведения женщины в период замужества и виновности супруга в разводе, особенно если инициатором расторжения брака был он сам, жена могла сохранить все свое наследство. Однако в случае, когда причиной развода было непотребное поведение жены, она лишалась трети своего наследства. Конечно Гиббон не был сторонником разводов, считая, что это крайняя мера и злоупотреблять ею нельзя, так как она подрывает основы брака и негативно влияет на моральные устои супругов, порождает безответственность и легкомысленность. *«Матрона, которая в течение пяти лет могла восемь раз перейти из объятий одного супруга в объятия другого, должна была утратить уважение к своему собственному целомудрию»* (С. 48). Гиббон отмечал, что с тех пор, как римляне стали пользоваться правом на расторжение брака, развод получил широкое распространение и вызвал пагубные последствия, так как поводом для развода часто становились супружеские ссоры, себялюбие или простая прихоть. Опыт римлян доказывает, что *«свобода развода не доставляет счастья и не располагает к добродетели»* (С. 47).

Таким образом, отношение Гиббона к положению женщин в Римской империи и реформам, изменившим его, было неоднозначным. Для него было абсолютно неприемлемым бесправное положение женщин. Он считал, что в цивилизованном обществе женщина должна иметь право на собственность и уважительное отношение к своей личности, а в случае отсутствия такового, право подать на развод и избавиться от оков брака, делающих ее несчастной. В то же время, по его мнению, римский опыт показывает, что утончение манер и либерализация нравов влекут за собой ослабление семейных уз и падение нравов. Со временем брак в

Риме стал больше походить на проживание под одной крышей. Право собственности супругов так охранялось законом, что в случае растраты имущества одного из них, другой, как потерпевший, мог подать в суд за кражу, хоть это и называлось по-другому (С. 48). Таким образом, по мнению Гиббона, в императорскую эпоху римское право из одной крайности, характерной для республиканского периода, впало в другую.

Анализируя особенности римского права и юридический статус римских женщин, Гиббон не мог избежать сравнений и параллелей между римским правом и современной ему британской юридической системой. По его мнению, британское право значительно уступает праву римскому, даже раннереспубликанского периода. До Закона Вако-ния, изменившего действующие правила «Одиннадцати таблиц», сыновьям и дочерям предоставлялись равные права наследования после смерти отца. По этому поводу Гиббон замечает, что *«юриспруденция Рима отклонилась от равенства природы намного меньше, чем английское общество»* (С. 49), доказательством чему служит то обстоятельство, что римлянам *«оскорбительная привилегия первородства была неизвестна; оба пола были поставлены на один уровень; все сыновья и все дочери имели право на равную долю отцовского имущества»* (С. 50). В Англии же дело обстояло иначе: мужское право первородства – позорный пережиток феодализма было защищено конституцией. Закон изначально ставил детей в неравное положение, что особенно болезненно сказывалось на представителях знатных семей. Рассуждая об ущемлении прав римлян в эпоху республики, Гиббон отмечал, что положение современных ему британских женщин было отнюдь не лучше.

Критикуя римские нравы, Гиббон, в отличие от многих своих современников, не восторгался строгостью нравов германских и готских племен. Обсуждению этой темы Гиббон посвятил IX главу «Истории упадка и крушения Римской империи». Он называл готов и германцев варварами и считал, что подходить к ним с морально-оценочными критериями цивилизованных людей наивно и некорректно. Германцы, согласно Гиббону, *«...вели пассивный образ жизни в невежестве и нищете»* (С. 370). В этом вопросе Гиббон сходится во мнении с Миллером и Робертсоном, которые считали, что проживающие по ту сторону лимеса германские племена находились на ранней и примитивной стадии развития. Основными занятиями германцев были собирательство и охота, с земледелием и ремеслами они были едва знакомы. Следствием всего этого были нищета и невежество, которые, по мнению Гиббона, и были основной причиной их бесстрашия и безразличного отношения к смерти. Германских мужчин Гиббон описывал как храбрых на войне, но ле-

нивых и никчемных в мирное время, что, в целом, соответствовало распространённому в эпоху Просвещения представлениям о мужчинах варварских народов: Согласно Гиббону, германские мужчины были также склонны к пьянству и часто бражничали дни напролет, кичась этим, считая попойки и дебоширство истинно мужским занятием (С. 373). А когда запасы еды и питья заканчивались, либо голодали, либо сбивались в ватаги и совершали набеги на приграничные области Римской империи, промышляя грабежом и мародерством.

Иное дело – германские женщины: со ссылкой на Тацита, Гиббон отмечал их сдержанность и целомудрие. Прелюбодеяние среди германцев, как мужчин, так и женщин, наказывалось как самое страшное преступление. Разводы воспрещались не столько законом, сколько нормами морали. *«Тацит, – замечает Гиббон, – с удовольствием противопоставляет добродетели варваров легкому поведению знатных римлянок»* (С. 378). Однако, по его мнению, всему виной цивилизация, которая способствует смягчению нравов и утончению манер, потакает человеческим страстям и пагубно сказывается на целомудрии: *«Вечера, на которых царствует роскошь, танцы, которые продолжаются за полночь, театральные зрелища, в которых нарушаются правила благопристойности, – все это служит соблазном и поощрением для слабостей женской природы. От таких опасностей необразованные жены варваров были ограждены и своей бедностью, и одиночеством, и тяжёлыми условиями домашней жизни»* (С. 379). Вместе с тем, хотя это и противоречило традиционным взглядам шотландских просветителей, Гиббон со всей серьёзностью относился к сообщениям Тацита относительно высокого статуса женщин в германском обществе. Гиббон неоднократно отмечал, что германцы относились к своим женам с доверием и уважением, советовались с ними по самым важным вопросам и *«охотно верили, что в их душе таится сверхъестественная святость и мудрость»*. В «Истории» упоминается некая Веледа, которая во время войны с батавами от имени божества управляла *«самыми гордыми галлами»*. Германские женщины, по словам автора, больше смерти боялись рабства и унижения и при опасности попасть в плен лишали себя и своих детей жизни, чтобы умереть свободными, не потеряв достоинства и целомудрия (С. 379-380).

По мнению Гиббона, германские женщины не воспринимались мужчинами как рабыни или сексуальные прислужницы, но в то же время, в отличие от современных ему дикарей (к примеру, коренных жителей Нового Света), ни германки, ни, тем более, мужчины-германцы, не были лишены мужественности (более того, на полях сражения, германские воины были предельно отважны и самоотверженны). По сути, опи-

сание Гиббоном германцев не вписывается в теоретические схемы шотландских просветителей. Ведь согласно Робертсону, Смиуту, Бёрку, Юму и другим британским, в особенности шотландским просветителям (из перечисленных просветителей только Бёрк был англичанином), бесправие женщин – характерная особенность всех диких и варварских народов, и, наоборот, галантное отношение к женщинам, либерализация нравов – порождение цивилизованного сообщества, в то же время – это один из главных инструментов смягчения их нравов – вовлечение мужчин в светскую жизнь, где тон задают леди.

И все же, несмотря на описание целомудрия, героизма и жертвенности германских женщин, отношение Гиббона к ним весьма двусмысленно, что во многом объясняется отвращением, которое он испытывал к первобытной дикости, и особенно к войне и военным нравам¹¹. Это было присуще многим мыслителям Просвещения и красной нитью прослеживается в работах Юма, Болингброка, Бёрка, Робертсона и др. Чрезмерную маскулинность и воинственность Гиббон считал недостатком не только у женщин, но, с некоторыми оговорками, и у мужчин.

С другой стороны, противоречивое отношение к германским женщинам можно объяснить безразличием историка к женскому целомудрию. Германские женщины, как и мужчины, были подчеркнута маскулинными, чрезмерно, не по-женски мужественными, но вся их отвага могла быть лишь *«тусклой и несовершенной имитацией мужского героизма. <...> героини этого закала имеют полное право на уважение, но они, конечно, не могли ни внушать любви, ни увлекаться этим чувством. Заимствуя от мужчин их суровые добродетели, они неизбежно должны были отказаться от той привлекательной нежности, в которой главным образом заключается прелесть и слабость женщины»* (С. 380).

Закончив описание нравов германцев, главных врагов Римской империи, сопоставив их мужество и суровые нравы, в том числе женские, с нравами цивилизованных римлян, Гиббон переходит к подробному описанию завоевания варварами Римской империи, начиная с середины III века. Он считает, что падение империи было неизбежным и закономерным, несмотря на численное превосходство римлян и высо-

¹¹ Гиббон последовательно выступал против всех войн, противопоставив романтизации войны тезис о том, что *«пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров»*. В то же время, он считал, что влияние войн на историю человечества необычайно велико, и именно войны, как правило, обозначают переломные этапы в жизни государств. См.: Рудковская. 2007. С. 28.

коразвитую экономику, им было не выстоять против натиска полупервобытных германцев, ибо те превосходили римлян силой духа или, выражаясь современным языком, пассионарностью.

Одной из причин падения Римской империи Гиббон считал подрывную деятельность первых христиан, с которыми империя, по сути, вела необъявленную войну. Христиане, как и варвары по ту сторону лимеса, отличались самоотверженностью, принципиальностью, верностью идеалам, целомудренностью и пассионарностью. Однако жизненные идеалы адептов молодой, но стремительно набирающей мощь религии, как и сам их облик, были столь же чужды и неприемлемы для британского историка, как и облик варваров. Половую воздержанность христианских мужчин и женщин он считал чистой воды ханжеством и лицемерием. Гиббон иронично относился к представлениям ранних христиан о браке: *«они охотно верили, что, если бы Адам не вышел из повиновения Создателю, он жил бы вечно в состоянии девственной чистоты, а какой-нибудь не оскорбительный для целомудрия способ размножения населил бы рай породой невинных и бессмертных существ»*; *«чувствительная супружеская связь была доведена до такой чистоты, которая делала ее похожей на мистическую связь Христа с его церковью»*, а свое отношение к религиозному «аскетизму» высказал в анекдотической истории о том, как на заре христианства некие *«девы, родившиеся в жарком климате Африки», «допускали священников и дьяконов разделять свое ложе и среди любовного пламени гордились своей незапятнанной чистотой»*¹².

Гиббон всегда отдавал предпочтение энергичным и страстным людям – мужчинам и женщинам. К униженным и угнетенным он относился равнодушно, а иногда и презрительно, к фанатичным же аскетам, даже к святым и монахам – с еще большей долей недоверия, при том, что сам он вовсе не был атеистом. Точно так же невозможно обвинить Гиббона в ханжестве, особенно когда речь заходит о женщинах. Он был истинным просветителем и всегда желал видеть вокруг себя лишь образованных, умных, гармонично развитых дам, даже намеревался жениться на выдающейся интеллектуалке своего времени, хозяйке знаменитого солончака Сьюзен Никер. Как верно подметила Карен О'Брайен, Гиббон выражал восхищение женщинами-философами и учеными и выказывал терпимость, а то и симпатию даже к тем умным женщинам, кто, по тогдашним понятиям, имел весьма сомнительную репутацию¹³.

¹² Там же. Т. IV. С. 46-47.

¹³ O'Brien. 2010. P. 119. Гиббон был не одинок в своей терпимости к ветрености женщин: еще Макиавелли и Монтескье иронизировали по поводу женского целомудрия. Монтескье находил, что куда лучше жить под властью современной просвещен-

И все же некоторые из современных Гиббону поборниц женских прав сочли отдельные его высказывания о женщинах несправедливыми. Известная интеллектуалка своего времени Елизавета Гамильтон, возмущенная некоторыми сексистскими высказываниями историка, в пику ему написала так называемые «Мемуары Агриппины» (*Memoirs of the Life of Agrippina, the wife of Germanicus* (1804)), весьма претенциозную и тенденциозную работу, больше смахивающую на политический памфлет, чем на историческое исследование. Свой опус она предварила следующим пояснением: «Автором *“Истории упадка и крушения Римской империи”* было заявлено, что *“мужество у женщины обыкновенно бывает искусственное, поэтому оно редко соединяется с устойчивостью и последовательностью”*. Агриппина – один из многих тысяч примеров, которые доказывают, что это утверждение необоснованно, а сам вывод ложный». Далее Гамильтон развивает свою идею: «Деятельная отвага нетипична для женской природы; когда она случается, это происходит усилием воли и заслуживает эпитет неестественного; но благородная добродетель силы духа кажется даром, которым природа больше обычного наделила этот пол»¹⁴. Для обоснования этих идей Гамильтон написала своего рода «житие республиканки» – квазибиографическое произведение, призванное показать стойкость духа Агриппины, ее страстное негодование против тирании и несправедливости. В ее трактовке, Агриппина отказалась от безвольного существования и бросила Тиберию вызов, вступив с ним в пассивную конфронтацию в духе христианских мучениц. Гамильтон описывает стойкость Агриппины: даже когда ее заключили в тюрьму, «ни единый вздох или слеза не выдали муки ее души», и ничто не изменило ее героического решения покончить жизнь самоубийством¹⁵. Обращаясь к теме патриотизма и преданности республиканским идеалам римских женщин, Гамильтон пишет: «Страна так же дорога для нее [Агриппины], как и для ее мужа... Сила мысли, вдохновленная этими принципами, не соответствует нашей идее о женской мягкости..., мы должны скорее аплодировать, чем осуждать

ной монархии, где легкий женский флирт не осуждается строго, а стремление женщин к комфорту и роскоши оказывает позитивное воздействие на развитие экономики, особенно коммерции, и даже на политику, чем в республике. В античной республике, по мнению Монтескье, мужчины рассматривали женщин как свою собственность, поэтому они не могли иметь личной жизни, а посягательство на честь и целомудрие женщины, прежде всего, воспринималось как посягательство на честь и достоинство опекающего ее мужчины. Более того, многие историки XVIII в. отмечали, сколь высокую цену запрашивала Римская империя у женщин за их вовлечение в *res publica*.

¹⁴ Hamilton. Vol. I. 1804. P. 19.

¹⁵ Ibid. III. P. 35, 252.

героизм, который научил ее воздействовать на разум своих сыновей, внушая, что лучше умереть с честью, чем жить без цели»¹⁶.

Таким образом, в представлении Е. Гамильтон, фигура Агриппины воплощала остатки республиканских свобод в эпоху империи. А самопожертвование Агриппины и других римских матрон, согласно Гамильтон, вовсе не противоречит сути женского естества, а вытекает из нее, поэтому современные ей британки должны равняться на римлянок, стараться во всем походить на них. Говоря о героической стойкости женщин, Гамильтон, вместе с тем, не настаивала на их обязательной и непосредственной вовлеченности в политическую деятельность.

В эпоху Просвещения многим мужчинам и женщинам была присуща, возможно не всегда осознанная, но безусловно искренняя тоска по самодисциплине римских матрон, их сдержанности, рачительности, домовитости, целомудрию, жертвенности, а порой суицидальному бесстрашию. Однако римская матрона, даже когда речь идет о таком ее идеальном олицетворении как Агриппина (чей образ, безусловно, был интересен как для историков, так и для моралистов разного толка), в конечном счете, не соответствовала образцовому типу британской леди. В представлениях британских просветителей истинную леди должны были отличать такие качества как женственность и утонченность, слабость и уязвимость, и – почему бы нет – легкомысленность и взбалмошность. Сила и стойкость, республиканские *virtus* и жертвенность, стремление своим примером вдохновлять мужей и сыновей на выдающиеся подвиги не приветствовались в высших кругах британского общества, которое основательно устало от напряжения и потрясений, вызванных экстенсивным и интенсивным ростом империи. Британские интеллектуалы стремились к эстетическим наслаждениям и гедонизму, совсем в духе имперского Рима.

Возможно, именно поэтому фоном для биографии своей героини Гамильтон выбрала эпоху принципата, своего рода порубежный период между республикой и империей, точнее имперский период, в котором были возможны рецидивы республиканизма, вроде гражданской позиции Агриппины. История жизни этой образцовой республиканки давала возможность показать конфликт эпох и конфликт миров. Причем не только мира уходящего республиканского патриотизма и мира имперской тирании, но и PAX BARBARICA, мира варваров, с которым Агриппина встречалась, когда сопровождала своего мужа Германика в военный поход. При этом представления радикальной республиканки

¹⁶ Ibid. I. P. 19.

Гамильтон о германских племенах разнятся со взглядами Гиббона, который не разделял восторгов по поводу строя мыслей и образа жизни германцев и других варварских народов. Гамильтон же, наоборот, восхищалась элементами военной демократии у германцев, во многом напоминающих ей римские *virtus* эпохи ранней республики.

Таким образом, произведение Гамильтон построено по принципу бинарной оппозиции к «Истории» Гиббона. Сам Гиббон, как и большинство его современников, считал падение нравов в Риме одной из основных причин падения империи: цивилизация рано или поздно приводит к упадку нравов, а утончение манер – к потере целомудренности¹⁷. Поэтому в его произведении нередко можно встретить выражения типа: «*Во времена республики, когда нравы были более чисты*» или «*...в те времена республики, когда нравы были самые чистые*»¹⁸. Однако, в отличие от Руссо, он никогда не предлагал отказаться от цивилизации ради сохранения целомудрия и древних традиций.

В отличие от Гамильтон и многих ее современников, окружающий мир и историческое прошлое для Гиббона сложны и многогранны, они не выкрашены в черный и белый цвета. Поэтому в его «Истории» нет абсолютно «плохих» и абсолютно «хороших» эпох, как и абсолютно хорошего и абсолютно плохого общественного строя или экономического уклада. Гиббон был противником консервации какого-либо государственного устройства, даже республиканского. Историю он рассматривал как процесс, осознавая, что она развивается по своим правилам, и ее ход можно замедлить или ускорить, но остановить невозможно. Поэтому каждый народ неизбежно должен пройти через все ступени развития, добродетели и порока. Для Гиббона также очевидно, что мораль и этикет изменчивы, их нельзя втиснуть в некие искусственные идеологические, политологические или гендерные схемы последующих эпох и рассматривать в отрыве от конкретного исторического контекста. Подобная интерполяция нелепа и контрпродуктивна.

В то же время представления Гиббона о цивилизации и цивилизующей роли женщины-леди во многом совпадают со взглядами современных ему шотландских авторов. Гиббон, в частности, разделял на светскость и женственность как необходимые и важные составляющие облика леди, отвергая, однако, утверждение о том, что лишь с помощью этих качеств леди может добиться влияния в семье, обществе и даже

¹⁷ Характеризуя греков периода римского владычества, он пишет: «*[греки] давно уже были цивилизованны и нравственно испорчены*» (Гиббон, 2008. Т. I. С. 87).

¹⁸ Цит. по: Рудковская. 2010. С. 95.

политике. По его мнению, источником женской власти могла быть не столько сила женщины, ум, образование и привлекательность, сколько ее слабость, умение пристроиться за спиной мужчины и в то же время помочь ему обрести уверенность в своих силах, направлять его, ненавязчиво оберегать от просчетов и ошибок. И хотя он опасался, что обрета власть, женщина может начать ею злоупотреблять, ему и в голову не приходило, что можно ограничить влияние женщин, низвести ее до уровня служанки и наложницы мужчины-хозяина: без женского участия цивилизованное общество состояться не может.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. Т. 1-5. М.: Терра. 2008.
Blackwell T. Memoirs of the Court of Augustus. Vol. II. London, 1755.
Ferguson A. History of the Progress and Termination of the Roman Republic. Vol. III. London, 1783.
Goldsmith O. The Roman history, from the foundation of the City of Rome, to the Destruction of the Western Empire. Vol. II. London, 1769.
Hamilton E. Memoirs of the Life of Agrippina, the Wife of Germanicus. Bath, 1804.
Rollin Ch. The Roman History, from the Foundation of Rome to the Battle of Actium. Vol. II. London, 1750.

Литература

- Hicks Ph.* The Roman matron in Britain: Female political influence and republican response ca. 1750–1800 // *Journal of Modern history*. 2005. Vol. 77. No. 1. 2005.
O'Brien K. Woman and Enlightenment in Eighteenth-Century Britain. Cambridge, 2010.
Маргарян Е.Г. Риторика на вершинах Тавра // *Критика и семиотика*. Вып. 15. Новосибирск–Москва: Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет, РГГУ, 2013. С. 15-39.
Рудковская И.Е. Диалог о добре и зле в историографической традиции позднего Просвещения (от Д. Юма до Н.М. Карамзина) // *Вестник ТГПУ*. 2010. Вып. 9 (99). С. 95-97.
Рудковская И.Е. Мир и война в англо-шотландской историографической традиции второй половины XVIII в. // *Вестник ТГПУ*. 2007. Вып. 1 (64).
Маргарян Лусине Ервандовна, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института философии и истории Российского государственного гуманитарного университета; lyusya-margar@mail.ru